

ПРОЛОГ

Тяньск. 22 октября 1966 г.

Полночь выдалась холодной и темной. Небо затянули черные тучи, скрывая луну и звезды. Горящие на площади тускло-желтые фонари едва разгоняли тьму, толком ничего не освещая. Шел дождь, противный и нудный, порывы ветра трепали висевшую на тумбе афишу с рекламой кинофильма «Операция «Ы». Рядом, за тополями, угадывалось массивное здание кинотеатра «Пионер», бывшего Борисоглебского собора, еще в тридцатые лишившегося куполов с крестами и колокольни. Зато кинобудку пристроили, чего уж!

Рядом, возле собора, вольготно раскинулся крытый торговый павильон с арками — «рядки» — типовое творение неведомого архитектора конца восемнадцатого века. Именно в это время славный Тяньск (до того — монастырский посад) обрел-таки статус города, мало того — уездного центра. Торговыми рядками, в народе любовно называемыми «Камешками», горожане очень гордились, как и старинным монастырем, и расположенной здесь же, на площади, гостиницей, в которой, по преданию, останавливалась сама Екатерина Вторая, как раз тогда кто-то из местных ухарей стащил у венценосной особы шубу. Шубу тогда не нашли, и этим тоже гордились.

Тихо и пустынно было на улицах старого города, даже бродячие собаки не бегали, не тявкали, да и некого было облаивать — ни души! Трудящиеся спали, набираясь сил перед очередной рабочей сменой, лишь в редких окнах еще желтели огни.

Промозглый дождь, тишина, безлюдье... Вот проехал милицейский «газик», синий с красной полосой, в новый бирюзовый цвет еще не успели перекрасить... или краску не выделили.

Проехал, остановился у афишной тумбы, немного постоял и покатил себе дальше, сворачивая к железнодорожному вокзалу.

И снова — тишина. Лишь шелест дождя, звон капель по кровле...

И вдруг...

Со стороны небольшой улочки, застроенной старинными деревянными особняками, к площади вывернули двое в длинных брезентовых плащах с поднятыми воротниками и в надвинутых на глаза кепках. Один — осанистый, сильный, с широкими плечами, второй — поплюгавее, верткий...

— И что это тут мильтоны крутятся? — Проводив взглядом уехавший «газик», верткий боязливо повел плечом.

— Маршрут у них такой, — поправив висевшую за спиной котомку, хмыкнул плечистый. Похоже, он был тут главным. — Да не мандражируй ты. Все как надо будет! Или струсил?

— Да не, что ты, Карай! — Вертлявый испуганно замахал руками. — Я просто... за дело переживаю...

Карай...

Конечно, не имя это было — кличка, воровское погоняло.

ФАЛЬШИВАЯ ЖИЗНЬ

— А ты не переживай! Идем уже. Давай-ка лучше погляди.

— Ага... Спокойно все!

— Вижу.

Сняв с плеча котомку, главарь вытащил оттуда стальные «когти», какие используют электромонтеры для лазания по столбам. Вытащил, огляделся и, прицепив снаряжение на ноги, ловко полез на ближайший столб. Клацнули клещи. На площади тут же погас целый ряд фонарей, тех, что у торговых рядков — «Камешков».

За углом вдруг послышался шум двигателя.

— Машина, Карай! — заблажил напарник.

— Без паники! Вижу.

Вывернувший из-за угла хлебный фургон, потрепанный жизнью «ГАЗ-51», мазнул фарами по галерее, высветил на секунду кумачовый лозунг «Планы восьмой пятилетки — выполним!» и две фигуры... Скрежетнув коробкой передач, фургончик чуть притормозил на повороте и покатил себе дальше, минуя площадь.

— Господи, пронесло! — Плюгавый неумело перекрестился на кинотеатр «Пионер» (бывший Борисоглебский собор) и перевел дух.

Главарь быстро слез со столба, снял «когти», сложил снаряжение в котомку и протянул напарнику:

— Пошли.

— Ага. Эх и дождище...

— Ничо! Нам-то на руку.

— Так я и говорю.

— Фонарь! — остановившись у витрины, приказал Карай. — Свети!

С мерзким звуком заскрежетал стеклорезный алмаз. Что-то негромко звякнуло...

— Помогай... Ага... Сюда, сюда ставь... да не разбей! Ну, вот. Прошу!

Сквозь выставленное стекло напарники ловко забрались внутрь. Оказавшись в торговом отделе, вертлявый посветил фонариком, выхватив из темноты витрины с сережками, цепочками, кольцами...

— Ого! Я же говорил — вчера завоз был!

— Да тихо ты... Самое-то главное у них — там.

Кивнув на стоявший в углу сейф, главарь достал отмычки. Повозился минуты две и, распахнув дверцу, торжествующе повернулся к напарнику: — Ну, подставляй суму!

— Ловко ты с сейфом!

— Да это разве сейф? — презрительно сплюнул Карай. — Так, шкаф несгораемый... Ну, давай, греб!

— Т-сс!

За дверью отдела вдруг слышались шаркающие шаги, затем раздался голос. Кто-то ругался, костерил и пропавший внезапно свет, и отключившуюся сигнализацию.

— Будь она неладна! Теперь вот, ходи, проверяй. Эх...

Зазвенели ключи. Дверь со скрипом открылась. Сквозь выставленную витрину ворвался сквозняк...

— Э-э, не порядо-ок...

Луч фонаря осветил распахнутую дверцу сейфа...

— Да тут...

Это были последние слова бедолаги. Выскочивший из-за шкафа Карай ударил его ножом в грудь. Упал на пол фонарь. Тяжело осело тело.

— Ой, Караюшко...

ФАЛЬШИВАЯ ЖИЗНЬ

— А что его — в плен брать? Давай без соплей, уходим. Товар реализуешь позже... — уже на улице предупредил главарь. И тут же ухмыльнулся: — Хотя, тут ты спец.

— Да сделаем!

— Не сомневаюсь... Ну все — расход.

Две тени растворились в протоках узеньких улиц. Дождь почти кончился, впрочем, светлее не стало — от близкой реки потянулся густой туман.

9 мая 1967 г.

Сторож городского торго Иван Евграфович Тихомиров, или попросту Евграфыч, День Победы отмечал всегда, даже когда день этот еще не был государственным праздником. Да все отмечали, война обескровила практически каждую семью, пришла и общая на всех победа. Тихомиров, правда, на фронте не воевал по причине хворобы, зато на заводе отработал достойно, и праздник Девятого мая тоже считал своим.

С утра Евграфыч отправлялся на кладбище, поминал погибших, потом на площади смотрел на возложение венков к памятнику павшим воинам, встречался с родственниками и, будучи давним вдовцом, шел к кому-нибудь из них в гости. Сидели, смотрели телевизор — у кого он был, — вспоминали-выпивали...

Вот только нынче все вышло не так! Пришлось срочно выйти на работу — подменить приболевшего напарника. Сама замначальница просила лично: «Ну уж, Иван Евграфыч, уважь!» Да Евграфыч и не спорил, надо так надо, даже в такой день! Кто-то же должен работать.

К слову сказать, начальство знало, кого просить, и за безотказность эту закрывало глаза на некоторые грешки

сторожа. Знали, что может он и выпить на рабочем месте, однако ж, немного — в меру. Перед каждой сменой Тихомиров обычно брал в раймаге «малька» или «мерзавчика» — бутылочку «Московской Особой» за рубль сорок девять — вечерок скоротать на службе вполне хватало. Однако же вчера «Московская Особая» закончилась, что и понятно — к празднику народ расхватал. Осталась только дорогая — «Столичная», по три двенадцать. Пришлось наскрести денег да взять поллитру... ну, размер Евграфыча не смутил, тем более день-то был выходной — это ж не ночь, это ж целые сутки дежурить! Взял. Закуска из дому была — краюха черного, картошечка отварная, соль, да шмат сала, что двоюродная сестра из Конотопа прислала. Вот на куреве пришлось сэкономить: купить вместо привычного «Казбека» дешевый «Памир».

Заперев ворота, Евграфыч прихватил служебный «наган» без патронов (не положено!) и отправился на обход территории: пыльный квадратный двор да четыре склада: два продуктовых и два промтоварных. Добросовестно проверил замки и засовы, а уж потом отправился в сторожку, маленькую будку у самых ворот, где выпил грамм пятьдесят, закусил сальцем и, не снимая кирзовых сапог и кобуры с «наганом», улегся на старый диван — «задавать храповицкого».

Спал он, надо сказать, чутко, просыпаясь от каждого подозрительного звука. Машина возле ворот проехала, мотоцикл или мотороллер — появились и в Тянке такие финтифлюшки, и даже девки на них катались, юбки ветром задирали, тыфу!

Немного вздремнув, ровно в полдень Тихомиров включил радио — старенький репродуктор с закругленными углами. Послушал концерт по заявкам, с удоволь-

ФАЛЬШИВАЯ ЖИЗНЬ

ствием и без удовольствия, какую-то занудную лабуду, посвященную подготовке празднования пятидесятилетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Евграфыч разменял уже седьмой десяток, застал еще царские времена и уж тем более хорошо помнил, как эту революцию называли просто и без затей — «Октябрьский переворот».

К вечеру, впрочем, стали передавать военные песни, и тут уж Евграфыч расчувствовался, всплакнул даже и приступил к оставшейся части банкета. Очистил картошечку, порезал салца, круто посолил хлебушек... Налил вологодский стакан — да одним махом и ахнул. Крякнул в седые усы, закусил, полистал валявшийся в ящике стола журнал «Огонек» за прошлый год с писателем Роменом Ролланом на обложке... Журнал был читан-перечитан не раз, и Тихомиров, вырвав пару листков, постелил их на стол, рядом с телефоном — так сказать, скатерть!

Заодно проверил и телефонный аппарат — старинный эбонитово-черный, с цифрами и буквами на диске. Телефон этот придавал неказистому облику сторожки официальную солидность, что очень нравилось сторожу.

Приложив трубку к уху, Евграфыч ожидал услышать гудки. Однако нет! Аппарат молчал, словно мертвый!

— Что ж это, ититна-мать? — привстав, озадаченно вымолвил старик. — Провод, что ль, оборвался? С утра же работал. Кажись...

Ну да — работал! Ведь проверял...

Согласно ведомственной инструкции, в подобном случае необходимо было известить начальство «любым доступным способом, не покидая охраняемый объект». Только вот как это конкретно сделать, инструкция умалчивала. Может быть, выглянуть за ворота да попросить

прохожих, мальчишки тут частенько бегали, на велосипедах катались, река-то рядом...

Жахнув еще «для ясности ума», Евграфыч, пошатываясь, вышел из сторожки.

И тут в ворота постучали... Постучали по-хозяйски, громко и требовательно! Да еще и позвали:

— Эй, Иван Евграфыч! Спишь, что ли? Давай, отвори!

— А вы вообще-то кто? — пьян — не пьян, а соображал Тихомиров быстро.

— Ремонтники мы. С телефонной станции, — сообщили из-за ворот. — Обрыв на линии ищем. У тебя телефон-то работает?

— Не работает! — Обрадованный старик поспешно бросился к засову. — Сейчас я, сейчас...

Ворота еще не до конца открылись, как в образовавшую щель прошмыгнули двое в брезентовых, несмотря на теплый весенний день, плащах и... в хирургических масках на лицах!

— Это... что это?

Евграфыч удивленно моргнул и тут же получил по башке чем-то тяжелым...

— Ну, Караюшка... — Один из налетчиков покачал головой. — Говорил, связать только... Он же пьяный в умат!

— Да и черт с ним! — повел широкими плечами главарь. — К сторожке его оттащим... Ага... Теперь показывай, где тут что?

— Вон тот склад, крайний.

— Угу.

Плечистый вытащил из кармана отмычки и усмехнулся:

— Ну и замок! Ногтем можно открыть.

ФАЛЬШИВАЯ ЖИЗНЬ

С засовом подельники справились быстро и, распахнув дверь, проникли внутрь...

— Вон! — Включив фонарик, вертлявый указал на картонные коробки.

Вскрыли одну, извлекли какие-то пакеты...

— Это что? — присмотревшись, злобно зыркнул главарь. — Труссы, что ли, бабские? Это из-за них мы...

— Между прочим, это французское белье! — Напарник важно надул щеки. — А вот это... это называется — бикини! Купальник такой, гэдээровский. Дефицит — жуть! В Ленинграде по полтиннику оторвут — с руками и ногами. А их тут — с полсотни. Смекай! Считай, на пол-«Москвича»! И не какого-нибудь, а новенького — четыреста восьмого! Да за такой купальник любая баба — твоя!

— Погубят тебя твои бабы, Игорек... Вот помяни мое слово, погубят!

— Ничего, разберемся.

— Ну-у... — покладисто махнул рукой Карай, снял маску и сплюнул. — Берем тогда. А со сбытом уж решай сам...

— Да разве ж я когда подводил?

* * *

Вот ведь бывает и от водки польза! И от дефицита... Не кончились бы в раймаге «мальки», не опьянел бы Евграфыч, не шатнуло б его... И голову бы точно пробили, навряд ли и выжил. А так удар пришелся вскользь, и сторож уже довольно скоро очнулся. Правда, налетчиков и след простыл. Как и значительной части промтоварного склада.

ГЛАВА 1

Озерск — Тяньск, начало июня 1967 г.

За окнами купе проносились веселые белоствольные березки и дачные домики, которые очень скоро сменил густой смешанный лес. Потянувшись, Максим поднялся на ноги и отхлебнул из граненого стакана в массивном серебристом подстаканнике уже остывший чай. Стучали колеса... Настроение было — ух-х! Ну, еще бы — три армейских года позади. Три года нелегкой, но такой интересной службы в Южной группе войск, в Венгрии.

Молодой человек поднялся, набросил на плечи висевший на вешалке китель с сержантскими лычками и значками. Достав расческу, подошел к зеркалу, зачесал назад светло-русую челку, не удержался — подмигнул сам себе. Хорошо!

Демобилизованный сержант Максим Мезенцев ехал в купе один. Дорого! Ну, а парень все-таки возвращался домой. Автобус с автостанции на площади Мира уходил часа через три, в общий вагон билетов не было, а так хотелось побыстрее! Обнять, наконец, мать, сестру Катю... Восемнадцать лет уже, верно, совсем взрослая стала сестрица. Как и подружка ее, Колесникова Женька...

Да нет, нет же! Это не он, Максим, это она была влюблена, по крайней мере, на то было очень похоже. Не зря же письма писала! Правда, не очень «любовные» — стеснялась, но... фотки даже присылала, Максим их показы-

ФАЛЬШИВАЯ ЖИЗНЬ

вал сослуживцам с гордостью. Женька была красивой, правда, младше Максима года на четыре. В школе на нее и внимания-то не обращал, вот еще, на такую мелочь... Правда, потом судьба ненадолго связала, но без эксцессов. Да и какие эксцессы с малолетней подружкой сестры?

Но ребятам фотки показывал... и письма. Просто так положено было, чтобы у солдата на гражданке оставалась девушка, которая его ждет. У многих не было и они придумывали, бахвалились, рассказывали, как целовались... и даже более того — и почти всегда врал. Принято так — чтобы была девушка. Как же без девушки-то? Кто ж ждать-то из армии будет? Родственники — это одно, а любимая — совсем другое. Вот и взводный, лейтенант, а ныне старлей, о том же говорил.

Усевшись обратно, Максим прикрыл глаза и улыбнулся, вспоминая сослуживцев. Всегда веселого Сашу Маркина из Уфы, ефрейтора Мишку из Ленинграда, Рустама из Ургенча, строгого сержанта Баранца на первом году службы. И конечно, взводного... Старший лейтенант Реготов, Андрей... Все ж таки женился на медсестре из госпиталя. Кандидат в мастера спорта по боксу, боксировать всех учил, кто хотел. Максима вот...

Замедлив ход, поезд плавно подошел к перрону. Скоро и дом. Побежали по платформе люди: дачники с вещами, студенты местного техникума, какие-то девушки... Одна показалась Максиму знакомой. Светлые волосы в каре, синяя короткая юбка, светло-голубая блузочка из нейлона — последний писк. Правда, жарковато в ней — потеешь...

Похоже, все в общий вагон бегут, ну, еще бы. Вот и та девушка... едва не споткнулась, вскинула голову...